

ДОМ КАК ПРОСТРАНСТВО ПРИВАТНОСТИ

Л. В. Чеснокова

Омский государственный университет путей сообщения

Поступила в редакцию 18 февраля 2019 г.

Аннотация: в статье рассматривается тема дома как частного пространства, где человек чувствует себя в покое и безопасности и которое он может обустроить по своему индивидуальному вкусу. С исторической точки зрения повышенная потребность в частном пространстве появилась в Европе в эпоху модерна вместе с развитием буржуазной культуры и таких ее ценностей, как индивидуализм, семейственность и любовь к комфорту. В Россию, в отличие от западноевропейских стран, ценности индивидуализма пришли позже и долгое время были доступны лишь для элиты. Тем не менее наличие собственного дома, где можно побыть наедине с самим собой, жизненно важно для личности человека.

Ключевые слова: дом, домашний очаг, частное пространство, защищенность, комфорт, буржуазная культура.

Abstract: the article considers the topic of the house as a private space, where a person feels at ease and safe, and which he can arrange according to his individual taste. From a historical point of view, an increased need for private space appeared in Europe in the era of modernity, together with the development of bourgeois culture and such values as individualism, attachment to family life and love of comfort. In Russia, in contrast to Western European countries, the values of individualism came later, and for a long time were available only to the elite. However, having your own home, where you can be alone with yourself, is vital to a person's personality.

Key words: house, home, private space, security, comfort, bourgeois culture.

Тема дома давно исследуется в философии культуры, но она неисчерпаема. Дом является предметом интереса многих отраслей знания: архитектуры, истории, культурологии, социологии, философии. Это основа человеческого повседневного существования, обеспечивающая идентичность и чувство укорененности. Наличие своего собственного пространства относится к экзистенциальным потребностям, и поэтому тема дома всегда будет актуальна.

Человек, как слабое по сравнению с представителями животного мира существо, всегда нуждался в повышенной защите. Для обороны от агрессивной внешней среды он изобрел одежду и жилище. Дом – место, созданное по своему вкусу и защищающее от враждебности окружающего мира. Границы дома – это границы между космосом и хаосом, своим и чужим, опасным и безопасным пространством.

Дом в оседлой культуре – символ жизни, в то время как дорога – символ смерти, бесприютности, хаоса. Если дорога – это движение, беспокойство, вечный поиск, то дом – устойчивость, привычность, комфорт. Дом

символизирует ценности порождения и поддержания жизни. «Пространство дома наполнено символами материнства, родов. Многие домашние работы (в основном женские – мужские более связаны с внешним миром) представляли собой процесс считывания репродуктивных программ (печь, квашня, ткацкий стан, прочая утварь)» [1].

В традиционной культуре дом – пространство женщины. Как отмечает П. Бурдьё, место мужчины вне дома: на улице, в поле, на сходе, на виду у других. Мужчина, слишком много времени проводящий дома, вызывает подозрение или насмешки. Напротив, женщина должна быть привязана к дому. «Все биологические отправления: еда, сон, зачатие, рождение – исключены из внешнего универсума, водворены в убежище интимных и природных таинств, каковым является дом, этот мир женщины, которой предначертано управлять этой природой и быть исключенной из публичной жизни» [2, с. 225].

Дом удовлетворяет человеческую потребность в личном пространстве. Это своя территория, отгороженная от внешнего мира, куда никто посторонний не имеет доступа. Здесь индивид имеет право на уединение, интимность, защищенность. По словам Х. Арендт, «отличительная черта приватного касается его потаенности, того, что свои четыре стены оказываются единственным местом, куда мы можем уйти от мира, от его публичности, от увиденности и услышанности им» [3, с. 93]. Процессы, связанные с зарождением и поддержанием жизни, должны быть спрятаны от безжалостного света публичности в месте, недоступном для чужих, обеспечивающем возможность укрытости и сокрытости.

Дом объединяет в себе физическую и метафизическую составляющие. Если стены дома, мебель, вещи относятся к предметам материального мира, то семейные воспоминания, ощущение покоя и уюта, личные смыслы, наполняющие домашнее пространство, относятся к явлениям нематериального мира. Это отражено во многих европейских языках, разделяющих дом как здание и дом как домашний очаг: *house – home* (англ.), *Haus – Heim* (нем.).

«Хорошо известное марксово описание религии как сердца бессердечного мира могло бы быть также отнесено к идее дома, в интерьерах которого мы живем и который живет в нас» [4, с. 29]. Дом воплощает в себе мечту о теплоте и интимности семейной жизни, привязанности к родному гнезду, начале и конце жизни. В отличие от непредсказуемости внешнего мира, дом дает ощущение стабильности и устойчивости. Будучи защитным пространством, он помогает противостоять внешним вызовам и угрозам, «дает твердость, необходимую во времена коллапсов и войн, наконец, пространство уединения и расслабления от борьбы с проблемами внешнего мира и силу утвердиться в обществе послекризисном» [5].

Стены дома – это граница между миром частной жизни и миром публичным. Дом – место, ставшее своим, где человек испытывает пренатальное чувство безопасности. К его важнейшим функциям относится защита от негативных проявлений внешнего пространства. «Свой дом является противоположностью угрозам, напряжению и принуждениям

внешнего мира, средоточием жизненных ценностей, центром вселенной и, в значительной степени, символом самого человека» [6, с. 722]. Это символ человеческого тела, его продолжение. Поэтому вторжение в него, нарушение приватности воспринимаются как угроза нашему Я.

С. К. Нартова-Бочавер связывает с приватностью два понятия: территориальность и персонализацию. Территориальность представляет собой фиксацию некоторого пространства и контроль над ним. «Фиксированными территориями (которые не входят в личное пространство человека, а вынесены за его границы) могут быть дом человека, его рабочее место, больничная койка, полка купе и т. д.» [7]. Собственная территория присутствует и в дикой природе как относительно безопасное пространство, где животное свободно передвигается, кормится, выводит потомство. Оно помечается определенными сигналами и защищается от конкурентов. У человека тоже есть свой участок (дом), который контролируется индивидом или группой (семьей) и защищается от вторжения правовыми и этическими нормами.

Персонализация – это маркировка приватного пространства, уведомляющая окружающих о принадлежности индивиду. Подобные преобразования делают среду не анонимной, а личной, позволяют выразить собственные эстетические вкусы и создают ощущение уюта. В попытке превратить безличную среду в индивидуально обустроенное пространство кроется стремление преодолеть конечность человеческого бытия. К тому же территорию дома, где все вещи соразмерны человеку, гораздо проще преобразовать по своему вкусу, чем бескрайность окружающего мира.

Человек самостоятельно может определять то, что находится в его приватном пространстве. Помимо утилитарных целей, вещи наделяются личными смыслами, напоминают о тех или иных событиях. Каждый дом обладает неповторимой индивидуальностью. «Обстановка жилища, его организация – комплекс знаков, несущих информацию о своем обитателе, его привычках, социальном статусе и доходах, семейном положении, характере занятий, культурной и национальной самоидентификации» [8, с. 14].

Дом, обустроенный по индивидуальному вкусу, делает бытие личностным и комфортным, отражая стремление человека быть самим собой. Согласно опросу, проведенному Н. Ю. Стабиной, приватность неразрывно связана с домом: дом определяется как *«мое пространство – это место, где я чувствую себя собой»*, *«это место, где только я решаю, что и как должно быть»*, *«это часть меня вовне, самовыражение»*, *«место, где можно побыть наедине с самим собой, таким, какой ты на самом деле»*, *«это какое-то воплощение меня... все по-моему... так как я хочу»* [9, с. 53].

Только наличие закрытого безопасного пространства, защищенного от чужих взглядов, дает возможность в безопасности строить личные отношения, открываться друг другу, выражать свои истинные чувства, позволить продемонстрировать кому-то собственную слабость и уязвимость. Здесь человек может отдохнуть от общества, заниматься своим хобби или

отдыхать, не будучи побуждаемым к каким-то действиям. Зачастую мебель и вещи имеют свою неповторимую семейную историю и потому дороги своему владельцу. «Каждое непрошенное вторжение в этот порядок вещей нарушает личную жизненную сферу. Заповедь неприкосновенности жилища имеет смысл в первую очередь как защита этого родного мира со всеми его правилами и объектами» [10, с. 81]. Невозможность удовлетворить потребность в приватном пространстве приводит к различным нарушениям в общении, неумению устанавливать и защищать личные границы, отсутствию самоуважения и уважения других.

Как социальное существо, человек нуждается и в публичном, и в приватном пространстве. Если одна сфера развивается за счет другой, то возникают проблемы. Обобществление собственности, когда человек вынужден проводить всю свою жизнь на виду у других людей, не имея права на приватность, «превращает одухотворенный мир в безразличную взаимозаменяемость. Круг нашего вращения, среда обитания (обитель) искажается, становится местом общего пользования» [11].

Будучи замкнутым только в себе самом, мир дома саморазрушается. Для развития личности требуется не только покой и защищенность, но и возможность испытать себя, пережить тревоги и волнения. Лишенный внешних контактов, человек страдает от одиночества. Поэтому человеческое бытие амбивалентно, ему свойственна как тяга к странствиям, так и тоска по родному дому.

С исторической точки зрения, потребность в приватном пространстве появилась относительно недавно, вместе с ростом индивидуальных ценностей в эпоху модерна, когда стало возможным выжить в одиночку, без общины, опираясь лишь на свои собственные силы. В это время в европейском обществе происходят существенные изменения: рост городов, индустриализация, усиление влияния среднего класса с новыми ценностными установками: бережливостью, трудолюбием, достатком. Буржуазия отказывается от аристократической страсти к репрезентации и предпочитает скромное времяпровождение в домашнем кругу.

Если в традиционной культуре возможности для уединения были весьма ограничены, так как жизнь происходила на глазах у всей общины (коллектива, для выживания вынужденного проживать вместе), то интимным пространство дома делается в Новое время. XIX век – «это век обретения Дома не только в трансцендентном смысле, но и в обыденном значении. Дом становится духовным убежищем с ощущением защищенности от внешнего пространства» [12, с. 69].

В Новое время происходит, «с одной стороны, увеличение значения дома, а с другой стороны – частичное вынесение определенных функций за его пределы» [13, с. 29]. В домашнем пространстве стали отмечаться многие праздники, в частности, Рождество, ставшее символом семейного уюта. Увеличивается степень приватности многих гигиенических процедур, теперь проводимых только вне зоны видимости чужих людей. В то же время за пределы дома выносятся вопросы заработка, получение образования и профессии, впоследствии также и медицинской помощи.

В Новое время изменились социальные отношения в доме. В традиционном обществе, как правило, дом был в большей степени доступен для чужих людей: соседей, родственников, клиентов. Ученики и подмастерья жили в доме хозяина и воспринимались как часть семьи. Многочисленные тетки, кузины и племянницы помогали хозяйке с воспитанием детей и домашней работой. В Новое время дом становится частным пространством для нуклеарной семьи.

В XVIII–XIX вв. происходит дифференциация жилых помещений на гостиную, столовую, спальню, детскую и т. п. Это связано с ростом индивидуализации в образованных сословиях. Теперь индивиду требуется собственное пространство, где бы он мог заняться чтением, литературным творчеством, религиозными размышлениями или доверительными беседами с друзьями, т. е. место, где он мог бы проводить время согласно собственным интересам и потребностям.

Социально-экономические изменения модерна, связанные с индустриализацией и урбанизацией привели к возникновению дома как пространства, закрытого от тревог и стрессов внешнего мира, на превращение *house* в *home*. Как отмечает Ф. Хатье, именно в среде буржуазии существовали самые строгие границы между публичной и частной жизнью. Зачастую дружеские встречи теперь происходили не в доме, а переносились в кофейни или клубы, а визиты более жестко регламентировались этикетом. Не все помещения в доме стали доступны для посетителей «Буржуазия создавала новые, более строгие границы между домом и внешним миром, семьей и обществом» [14, с. 523].

Наличие собственного частного пространства долгое время было классовой привилегией. В XIX в. комфортному жилью представителей буржуазного класса были противопоставлены жилища бедняков, вынужденных ютиться в тесных перенаселенных помещениях без всяких удобств. Только во второй половине XX в. большинство населения в Западной Европе обрело частное пространство.

В России развитие частного пространства имело свои особенности. Здесь дольше, чем в Западной Европе держался традиционный уклад; ценности индивидуализма пришли позже и затрагивали лишь узкий круг европеизированной элиты, проживавшей в городских дворцах и сельских усадьбах, которые, по словам Ф. Ингольда, были рассыпаны по всей царской империи как острова некоего архипелага, на которых протекала чуждая, обособленная от простонародья, жизнь. Усадьба стала пространством, где господа на досуге предавались чтению, рисовали, писали автобиографические сочинения, устраивали частные театры. Таким образом, «в русском обществе стала возникать осознанно и индивидуально обустроенная сфера приватности со значительным культурным потенциалом, хотя и ограниченная для меньшинства и духовной элиты» [15, с. 160]. До середины XIX века сельские дворянские усадьбы оставались единственными островками модерна в русской провинции. Ностальгические воспоминания о той жизни встречаются у многих писателей русской эмиграции – И. А. Бунина, Б. К. Зайцева, В. В. Набокова...

Однако подавляющее большинство населения жило в совершенно других условиях. Основной формой жилья для крестьянства была изба-пятистенка, состоящая из четырех стен – периметра дома и пятой – внутренней перегородки, разделяющей пространство на сени (холодное помещение) и отапливаемую комнату с печью, где жила вся семья. Такая архитектура во многом была связана с российским климатом, так как позволяла отапливать избу всю зиму. Очевидно, что в одном общем помещении, где ютилось несколько поколений семьи, и речи не могло идти о каком-то личном пространстве.

После революции и гражданской войны происходит форсированная индустриализация, когда массы народа хлынули в крупные города, что обусловило недостаток места. Происходят вынужденные уплотнения бывших владельцев отдельного жилья, возникновения коммуналок, в которых не было никакого приватного пространства. К тому же в советской идеологии предполагалось, что новый человек не нуждается в частной жизни. В последующее время представители нескольких поколений ютились в коммуналках или общежитиях, ожидая очереди на отдельную квартиру.

Сейчас для большинства населения отсутствуют финансовые возможности, для того чтобы купить собственное жилье. До сих пор на одного человека в России приходится намного меньше жилого пространства, чем у европейцев, а тем более американцев. Невозможность иметь приватное пространство наложило свой отпечаток в виде отсутствия у многих людей понятия о личных границах, неприкосновенности личного пространства.

Тем не менее наличие собственного дома входит в число экзистенциальных ценностей человека как территория, где он чувствует себя хозяином, которую он может обустроить по собственному вкусу, где он может побыть наедине с самим собой, не подчиняясь внешним, навязанным кем-то правилам. Отдых в своих четырех стенах позволяет выдерживать социальное напряжение и «противостоять доминирующим стратегиям сильных. Этот переход от власти общего к частной обыденности дает возможность индивидууму сохранить свободу выбора, индивидуальные интересы и собственные жизненные ценности» [16, с. 81].

Наличие приватного пространства, где человек «одновременно укрыт и сокрыт», жизненно важно для личности. Дом – это основа повседневного существования, дарующая идентичность и чувство укорененности. Наличие своего безопасного пространства относится к основным потребностям, и поэтому «жилищный вопрос» всегда будет волновать человека.

Литература

1. Щепанская Т. Б. Культура дороги в русской мифоритуальной традиции XIX–XX вв. / Т. Б. Щепанская. – Режим доступа: <http://www.fedy-diary.ru/html/112010/05112010-02a.html> (дата обращения: 15.02.2019).

2. Бурдьё П. Практический смысл / П. Бурдьё. – СПб. : Алетейя, 2001. – 562 с.

3. *Арендт Х. Vita activa, или О деятельной жизни / Х. Арендт. – СПб. : Алетейя, 2000. – 437 с.*

4. *Prenelle J. Memory, Modernity and Urban Psychosis. The Spectacular Aesthetics of Madness / J. Prenelle // Utopie Heimat – Psychiatrische und kulturphilosophische Zugänge / hrsg. von M. Heinze, D. Quadflieg und M. Bührig). – Berlin : Parodos Verlag, 2011. – S. 23–32.*

5. *Климова С. В. Кризис и дом / С. В. Климова. – Режим доступа: <http://anthropology.ru/ru/text/klimova-sv/krizis-i-dom-0> (дата обращения: 15.02.2019).*

6. *Чеснокова Л. В. Концепт Heim (дом, домашний очаг) : убежище от экзистенциального страха в немецкой культуре / Л. В. Чеснокова // Философия и культура. – 2014. – № 5(77). – С. 719–724.*

7. *Нартова-Бочавер С. К. Психологическое пространство личности / С. К. Нартова-Бочавер. – М. : Прометей, 2005. – Режим доступа: <http://psychlib.ru/mgppu/NPp-2005/NPp-311.htm> (дата обращения: 15.02.2019).*

8. *Волкова Т. В. Приватная сфера дома как культурный феномен / Т. В. Волкова // Вестник славянских культур. – 2013. – № 3 (29). – С. 12–18.*

9. *Стабина Н. Ю. Значение дома как жизненного пространства личности / Н. Ю. Стабина // Вестник практической психологии образования. – 2010. – № 1 (22). – С. 50–56.*

10. *Sofsky W. Verteidigung des Privaten. Eine Streitschrift / W. Sofsky. – München : Beck, 2007. – 158 S.*

11. *Климова С. В. Дом и мир : проблема приватного и публичного / С. В. Климова. – Режим доступа: <http://anthropology.ru/ru/text/klimova-sv/dom-i-mir-problema-privatnogo-i-publichnogo> (дата обращения: 15.02.2019).*

12. *Костерина А. Б. Метафизика сокровенного в жилом пространстве / А. Б. Костерина, Е. Ж. Щуплецова // Вестник Пермского ун-та. Сер.: Философия. Психология. Социология. – 2013. – № 1 (13). – С. 66–71.*

13. *Eibach J. Das Haus in der Moderne / J. Eibach // Das Haus in der Geschichte Europas : ein Handbuch / hrsg. von J. Eibach, J. Schmidt-Voges. – Berlin : Walter de Gruyter, 2015. – S. 19–37.*

14. *Hatje F. Die private Öffentlichkeit des Hauses im deutschen und englischen Bürgertum des 18. Und 19. Jahrhunderts / F. Hatje // Das Haus in der Geschichte Europas / hrsg. von J. Eibach, I. Schmidt-Voges. – Berlin : de Gruyter, 2015. – S. 503–523.*

15. *Ingold F. P. Die Faszination des Fremden. Eine andere Kulturgeschichte Russlands / F. Ingold. – München : Wilhelm Fink, 2009. – 224 S.*

16. *Струкова Т. Г. Проблема обыденности в дискурсе о литературе / Т. Г. Струкова // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер. : Философия. – 2017. – № 1. – С. 72–83.*

Омский государственный университет путей сообщения

Чеснокова Л. В., кандидат философских наук, сотрудник

E-mail: L.Tchesnokova@mail.ru

Omsk State Transport University

Chesnokova L. V., Candidate of Philosophical Sciences, Employee

E-mail: L.Tchesnokova@mail.ru